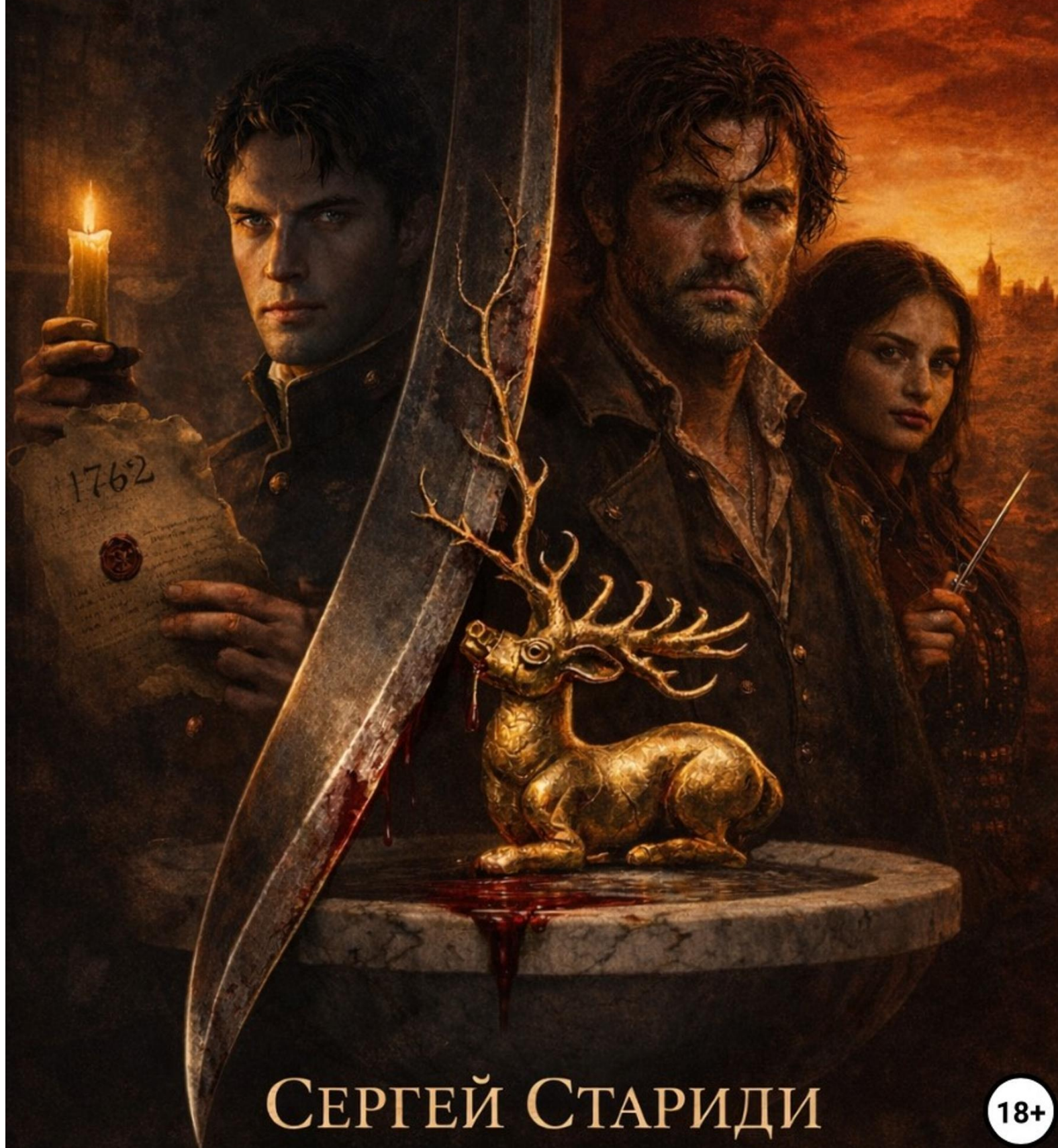

ЗОЛОТО СКИФОВ

КРОВЬ КРЫМА

Империи строятся на костях
Имена возвращаются через кровь

СЕРГЕЙ СТАРИДИ

18+

Империя Хищников: Хроники Алексея Вяземского

Сергей Старики

Золото Скифов. Кровь Крыма

«Автор»

2026

Стариди С.

Золото Скифов. Кровь Крыма / С. Стариди — «Автор»,
2026 — (Империя Хищников: Хроники Алексея Вяземского)

1780 год. Дикое Поле. Князь Алексей Вяземский, чудом выживший в жерновах дворцовых переворотов, строит новую жизнь на руинах Крымского ханства. Он возводит города и корабли для Потемкина, надеясь, что прошлое похоронено навсегда. Но у Империи долгая память. Из Петербурга по его следу идет «ищейка» Тайной экспедиции Максим Глебов. В его руках — нить, ведущая к самой страшной тайне Екатерины Великой: документам о «французском золоте», купившем ей корону. Глебов знает, что Алексей прячет не только архив отца, но и женщину, официально погибшую много лет назад. Чтобы спасти семью от плахи, Вяземскому предстоит совершить невозможное: найти легендарное Золото Скифов и предложить Императрице сделку, от которой она не сможет отказаться. Но цена этой сделки — кровь. Кровь врагов, кровь друзей и кровь Крыма. Финал грандиозной трилогии о любви, чести и цене власти.

© Стариди С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ПРОЛОГ. «КОСТЯНОЙ АРХИВ»	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДИКОО ПОЛЕ	8
ГЛАВА 1. ХОЗЯИН ДИКОГО ПОЛЯ	8
ГЛАВА 2. АМАЗОНКА В ТЕНИ	12
ГЛАВА 3. ЛЕЙЛА — ШЕСТЬ ЛЕТ БЕЗМОЛВИЯ	17
ГЛАВА 4. ВИЗИТ ИНКВИЗИТОРА	20
ГЛАВА 5. ПРИКАЗ «АРАПА»	24
ГЛАВА 6. ДОРОГА НА ЮГ	28
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Золото Скифов. Кровь Крыма

ПРОЛОГ. «КОСТЯНОЙ АРХИВ»

Март 1780 года. Санкт-Петербург. Петропавловская крепость.

Максим Глебов не любил запах смерти, но в Тайной экспедиции этот запах был единственной константой. Здесь он не был приторно-сладким, как на поле боя, или тяжелым, как в анатомическом театре. Здесь смерть пахла застоявшейся сыростью подвалов, старыми чернилами, горелым воском и тонким, едва уловимым ароматом уксуса, которым протирали столы после «пристрастных расспросов».

Свеча в его руке дрожала, отбрасывая на низкие своды коридора пляшущие, уродливые тени. Глебов спустился на третий уровень архива — туда, где бумаги превращались в могильные плиты. Здесь, вдали от блеска екатерининских балов, хранилась истинная история Империи, написанная не золотом, а кровью на серой бумаге.

— Аккуратнее, Максим Николаевич, — проскрежетал старый архивариус, семенявший впереди. Его ключи гремели у пояса, как кандалы. — Тут ступени склизкие. Бывает, господа офицеры шеи ломают раньше, чем до истины докапываются.

Глебов не ответил. Ему было двадцать пять, его скулы были остро очерчены, а глаза имели холодный стальной блеск человека, который верит не в Бога, а в логику. Степан Иванович Шешковский ценил его именно за это — за умение находить иголку в стоге гнилого сена.

Они остановились перед тяжелой дубовой дверью, окованной железом. Дьяк с трудом провернул ключ. Дверь подалась с неохотным стоном.

— Стеллаж сорок четыре. Дела «закрытые» и «сгоревшие», — дьяк перекрестился пустой рукой и отступил в тень коридора. — Я здесь подожду. Душно мне тут... мертвечиной тянет.

Глебов вошел внутрь. Стеллажи уходили в темноту, забитые пухлыми папками, перевязанными суровой бечевкой. Он знал, что ищет. События 1774 года — мятеж Пугачева, чума, и... частное дело князя Алексея Вяземского и послушницы Анастасии Ржевской. Официально — она погибла в пожаре Ивановского монастыря.

Но Шешковский не верил в случайные пожары.

Глебов вытащил тяжелую папку. Пыль взметнулась серым облаком, забиваясь в ноздри. Он положил дело на конторку и раскрыл его. Внутри лежали отчеты согладатаев, показания монахинь и сухие протоколы.

Его палец остановился на рапорте штаб-офицера, датированном августом семьдесят четвертого. Бумага была обгоревшей по краям, словно её в последний момент выхватили из камина.

«...в келье обнаружены фрагменты тел, неопознаваемые вследствие сильного жара. С ними же и золотой крест оной послушницы, найденный в пепле...»

Ниже, почерком самого Шешковского, была сделана приписка, от которой у Глебова по спине пробежал холодок:

«Тело не найдено. Пепел не свидетель. Искать живых среди теней».

Глебов перелистнул страницу. Там лежал рисунок, сделанный рукой тюремного лекаря: особая примета - шрам на шее Анастасии Ржевской, оставленный её отцом при попытке убийства. Тонкая ветвистая линия, похожая на молнию или корень ядовитого растения.

— Значит, вы не сгорели, Настенька, — прошептал Глебов, и на его губах появилась тонкая, хищная улыбка. — Вы просто сменили маску.

Он захлопнул папку. В тусклом свете свечи его лицо казалось маской палача, лишенной сомнений. Теперь у него была цель. И эта цель вела на Юг, в пыльные степи Новороссии, где князь Вяземский, по слухам, возводил города из праха и лжи.

Глебов чувствовал азарт охотника. И тут его взгляд наткнулся на другую, еще более старую папку, на которой было выведено «1762». Он оглянулся и осторожно взял тяжелый кожаный прямоугольник. Под обложкой, поверх всех прочих документов, обнаружился листок совершенно иного качества — плотная верже, изысканная и дорогая, с едва заметными водяными знаками в виде лилий. Такие бумаги не использовали в русских канцеляриях. Это был почерк Версаля.

Максим придвинул свечу ближе. Чернила выпцвели до рыжего, но латиница читалась четко. Это была ведомость. Колонки цифр, даты — июнь 1762 года — и короткие пометки на полях. «Au service de l'amitié» — «На службу дружбе».

Его взгляд замер на одной строке: «À l'intermédiaire V. — 50 000 livres d'or». К посреднику В. Ниже, на отдельном клочке, приколотом ржавой булавкой, рукой русского чиновника было расшифровано: «Вяземскому П. за содействие в гвардейском расположении».

Петр Вяземский. Отец Алексея.

Глебов почувствовал, как во рту пересохло. Это было не просто золото. Это было золото, на которое купили лояльность полков в ту самую ночь, когда муж нынешней императрицы лишился сначала трона, а потом и жизни. Если этот листок увидит свет, легенда о «народном призвании» Екатерины рассыплется в прах. Она не просто взошла на престол — она взошла на него на французские ливры. И отец Алексея был тем, кто передавал этот яд из рук в руки.

— Любопытно, не правда ли, Максим Николаевич? — раздался тихий, чуть дребезжащий голос у него за спиной.

Глебов вздрогнул — беззвучно, лишь плечи едва напряглись под сукном мундира. Он не слышал, как открылась дверь.

В дверном проеме стоял маленький сухонький старичок. В простом темном сюртуке, чисто выбритый до синевы, он больше походил на сельского дьячка, который только что вернулся с утрени. От него пахло свежей мятой и церковным воском. Это был Степан Иванович Шешковский.

— Ваше Превосходительство, — Глебов быстро встал и склонил голову.

— Полноте, полноте, — Шешковский ласково махнул рукой, проходя вглубь архива. — В таких местах чины — это суэта. Мы здесь все лишь скромные садовники в Божьем вертограде. Пропалываем сорняки, Максимка. Чтобы розам дышалось легче.

Он подошел к столу, взглянул на ведомость с лилиями, но не коснулся её. Вместо этого он выставил на край конторки маленькую хрустальную вазочку, которую принес с собой. В ней, прозрачные и янтарные в свете свечи, плавали ягоды крыжовенного варенья.

— Кушайте, милый, кушайте, — заворковал старик, протягивая Глебову серебряную ложечку. — Супруга прислала из деревни. Чистый мед. Вы ведь человек молодой, вам силы нужны... Охота предстоит долгая.

Глебов взял ложечку. Варенье было приторно-сладким, с легкой кислинкой.

— Значит, вы знали об этом, Степан Иванович? — Максим кивнул на бумаги. — О золоте Версаля?

Шешковский ласково улыбнулся, глядя на Глебова с почти отеческой нежностью.

— Мы все знаем, Максимка. Но знать и доказать — это разные службы. Петр Вяземский унес правду в могилу. А вот сын его... Алексей... — старик вздохнул и сложил руки на животе. — Мальчик оказался талантлив. Умница. Потемкин его в Новороссии как зеницу ока бережет. Города строит, флот ладит.

Шешковский вдруг замолчал, и его глаза, до этого добрые и слезящиеся, на мгновение превратились в две ледяные щелки.

— Но мертвые послушницы не воскресают просто так, Максимка. Если Анастасия Ржевская жива — значит, князь Вяземский обманул не меня. Он обманул Государыню. А она очень не любит чувствовать себя обманутой. Особенно теми, кто обладает документами с информацией о её... французских друзьях.

Он снова стал «добрым дедушкой» и аккуратно поправил салфетку под вазочкой.

— Поезжай в Херсон. Понюхай тамошнюю пыль. Найди мне этот шрам, Максимка. Ту самую полосу на шее. И если найдешь... принеси мне «Черную папку» его отца, а там много чего есть. Она ведь тогда, в 1774 году, не просто так пропала... у Алексея она, я чувствую это старым нутром. С этой папкой мы с тобой станем самыми нужными людьми в Империи. Или самыми мертвыми.

Шешковский тихо рассмеялся, и этот смех, похожий на сухой шелест бумаги, заполнил подвал Трубецкого бастиона.

— Кушайте варенье, Максимка. Кушайте. В Крыму оно вам не скоро встретится.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ДИКОЕ ПОЛЕ

ГЛАВА 1. ХОЗЯИН ДИКОГО ПОЛЯ

Июнь 1780 года. Херсонская верфь.

Зной в Херсоне был не таким, как в Петербурге. Здесь он не душил влагой, а бил наотмашь сухим, раскаленным ветром, приносящим из степи запах полыни и конского пота. Солнце стояло в зените, превращая Днепр в полосу расплавленного свинца.

Алексей Вяземский стоял на верхнем ярусе строящегося 66-пушечного линейного корабля «Слава Екатерины». Ему было двадцать восемь, но в жестких морщинах у рта и в том, как он щурился на блеск воды, сквозила усталость человека, прожившего три жизни. Его мундир был расстегнут у горла, треуголка отброшена в сторону, а на белой рубаше проступали темные пятна пота, на которых налипала древесная пыль.

Внизу, на стапелях, работа не шла — она кипела в предсмертных судорогах. Сотни каторжан, солдат и вольных греков, похожие на муравьев, копошились в лесах. Стук топоров и визг пил сливались в единый гул, который перекрывал крики чаек.

— Сваи не держат! — донесся снизу надрывный вопль. — В песок уходим, Ваше Сиятельство! Земля не принимает!

Алексей перегнулся через перила. Группа рабочих в рваных портах бросила бревна. Один из них, огромный мужик с клеймом на щеке, швырнул топор в пыль и задрал голову.

— Не станем более спины гнуть, барин! — проорал он, вытирая лоб заскорузлой рукой. — Вода тухлая, каша с червями, а Потемкин ваш только плетью махать горазд. Не будет тут города, болото одно!

Работа замерла. Десятки глаз — злых, воспаленных от солнца и бессонницы — уставились на Алексея. Воздух между стапелями и палубой мгновенно загустел, как перед грозой. Конвойные солдаты нерешительно взяли за ружья.

Вяземский не шелохнулся. Он медленно спустился по шатким лесам, не глядя под ноги. В его движениях была та самая «хищная» грация, которую он приобрел за годы службы. Когда его сапоги коснулись земли, толпа невольно подалась назад. Кроме того самого, с клеймом.

Алексей подошел к нему почти вплотную. Мужик был выше на голову, но когда Вяземский посмотрел ему в глаза, тот осекся.

— Как звать? — тихо спросил Алексей. Голос его, лишенный металла, пугал сильнее крика.

— Емелькой кличут... — буркнул каторжанин, теряя запал.

— Слушай меня, Емелька. И вы все слушайте, — Алексей обвел взглядом толпу. — Вы думаете, я здесь ради золота Потемкина стою? Или ради славы Государыни?

Он шагнул еще ближе, так что каторжанин почувствовал запах табака и старой кожи от его мундира.

— Сзади вас — степь, где ногайцы режут горло за медный грош. Спереди — турки, которые спят и видят, как снова сделать вас рабами. У вас нет дома, кроме этого берега. И если мы не построим этот корабль, если не вобьем эти сваи — вы сгниете в этой пыли раньше, чем закончится лето.

Алексей рывком поднял брошенный топор и протянул его Емельке обухом вперед.

— Хочешь идти — иди. Степь большая. Но завтра твою голову найдут на шесте у Перекопа. А хочешь жить — бери инструмент и вбивай сваю так, будто это гвоздь в гроб султана.

Он обернулся к офицеру снабжения, стоявшему поодаль:

— Провиант перепроверить. Если найду хоть одного червя в крупе — подрядчика повешу на этом самом мачт-дереве.

Емелька помедлил, глядя на топор, затем хмуро взял его.

— Лютый ты, князь, — пробормотал он. — Справедливый, но лютый. Как волк.

— В степи выживают только волки, Емелька, — бросил Алексей, уже не глядя на него. — За работу.

Он развернулся и пошел прочь от ступеней. Сердце в груди билось ровно, но ладонь привычно легла на рукоять сабли. Он чувствовал спиной сотни взглядов. И один из них был не просто злым — он был изучающим.

Алексей резко обернулся. В тени склада, среди штабелей леса, стоял человек в гражданском сюртуке, явно не местном. Заметив взгляд князя, незнакомец коснулся поля шляпы и скрылся в глубине верфи.

«Началось», — подумал Алексей. Мирная жизнь, которую он выкупал у судьбы шесть лет, дала трещину.

* * *

Алексей отошел от ступеней, чувствуя, как раскаленный песок скрипит на зубах. Гул верфи за спиной стал тише, сменившись шелестом сухой травы и далеким скрипом тележных колес. У края строительной площадки, под навесом из почерневшего от солнца брезента, ждал человек.

Федор. В свои двадцать пять он заматерел так, что казался вытесанным из мореного дуба. Казенный кафтан сидел на нем внатяжку, подчеркивая мощь плеч и груди. За шесть лет жизни на грани закона и степи он приобрел привычку никогда не держать руки на виду — они всегда были либо в карманах, либо у пояса, где под полкой угадывались очертания тяжелого пистолета.

— Опять бунтуют, барин? — голос Федора был низким и сухим, как треск валежника.

— Устали, — Алексей остановился рядом, жадно вдыхая запах древесины, который хоть немного перебивал вонь тухлой речной воды. — Потемкин жмет сроки, а земля здесь зыбкая. Люди чувствуют, что строят на костях.

Федор коротко сплюнул в пыль. Его взгляд, быстрый и цепкий, продолжал оглядывать верфь. Он не смотрел на Алексея, он смотрел на то, что было за его спиной.

— Стройка везде на костях, — буркнул он. — В Питере — на костях, здесь — на костях. Важно, чьи это кости.

Алексей посмотрел на своего верного слугу. Федор был единственным, кто знал правду о каждой минуте их пути с того самого февраля 1774-го. Он был тем, кто зарывал следы, кто молчал, когда нужно было кричать, и кто стал для маленького Петра вторым отцом, пока Алексей строил Империю.

— Видел его? — негромко спросил Вяземский, кивнув в сторону складов, где скрылся незнакомец в сюртуке.

Федор едва заметно кивнул. Его ноздри хищно раздулись.

— Видел. Еще с утра кружит. Не наш он. Не из подрядчиков и не из греков. Я за ним от самого постоянного двора шел. Сапоги у него тонкие, городские, но по грязи нашей шагает уверенно, не морщится. Глаза — как у легавой на болоте. Ищет он что-то. Или кого-то. Спрашивал у греков про вдовствующего князя, что земли в Бахмутской провинции держит.

Алексей почувствовал, как в груди шевельнулся холодный ком, который он не ощущал со времен пожара в Иванове. Шесть лет тишины подошли к концу.

— Ты уверен, что он из Тайной? — спросил Вяземский, глядя на свои руки — мозолистые, опаленные солнцем руки администратора, которые слишком давно не держали саблю в бою.

— У таких людей особая отметина, барин. Они не на тебя смотрят, а сквозь тебя — в твое прошлое. Я его в плавнях прижать могу, — Федор едва заметно коснулся голенища сапога, где прятал нож. — Днепр здесь глубокий, раков много. Концов не найдут.

— Нет, — Алексей резко пресек инициативу. — Если это человек Шешковского, его смерть только подтвердит их догадки. Пусть думает, что мы ничего не заметили. Пока он крутится здесь, в Херсоне, он далеко от хутора.

Федор нахмурился, его мощные челюсти сжались.

— Непокойно мне. Скоро дожди пойдут, дороги раскиснут. Если за нами из Питера пришли, надо Настасью Николаевну и малого увозить. В горы, к татарам, или еще дальше.

— Рано, — отрезал Алексей. — Потемкин ждет отчета по верфям. Если я сорвусь сейчас — это признание вины. Езжай на хутор вечером. Проверь, всё ли тихо. Насте ничего не говори, не пугай раньше времени. Просто будь рядом. Пока я здесь, под присмотром Потемкина, они не рискнут ударить открыто.

Федор кивнул, но в его глазах отразилась тревога. Он знал, что Алексей ошибается. Тайная экспедиция никогда не ждала удобного момента — она сама создавала его из пепла и лжи.

— Буду беречь их, барин. Вы же знаете. Пока я дышу — никто к калитке не подойдет.

Алексей положил руку на плечо верного слуги. В этом жесте было больше, чем просто приказ — это была негласная просьба о защите самого дорогого, что у него осталось.

— Иди. Встретимся через три дня.

* * *

Дом, который Алексей занимал в Херсоне, стоял на самой окраине, почти у границ Греческой слободы. Это было приземистое каменное здание с толстыми стенами, способными удерживать и дневной зной, и пулю из-за угла.

Вяземский вошел внутрь, когда солнце уже коснулось горизонта, окрасив пыль над улицами в цвет запекшейся крови. В доме пахло не жильем, а временной стоянкой: сухими травами, оружейным маслом и старой кожей. Здесь не было ни женского смеха, ни детских игрушек — только функциональная пустота офицерского быта.

Он не стал зажигать свечи. Сумерек, сочащихся сквозь узкие окна, хватало, чтобы найти дорогу к столу. Алексей сорвал с шеи пропотевший галстук и, не глядя, швырнул его на сундук.

На столе лежал чертеж новой крепостной стены, придавленный тяжелым бронзовым подсвечником. Алексей отодвинул его в сторону. Его взгляд упал на глиняный кувшин с водой. Он пил жадно, прямо из горлышка, чувствуя, как ледяная влага обжигает пересохшее горло, но не приносит облегчения.

Он сел на жесткий стул, вытянув гудящие ноги. В этой тишине, нарушаемой лишь стрекотом цикад за окном, его паранойя обретала плоть. Человек в куртке, о котором говорил Федор, был не просто тенью. Это был вестник из мира, который Алексей надеялся похоронить в пепле Ивановского монастыря.

Он запустил руку за пазуху и коснулся плотного конверта, скрытого во внутреннем кармане мундира. «Черная папка» отца была уничтожена, но её содержимое — самые опасные листы — Алексей всегда носил при себе. Эти бумаги были его страховкой и его приговором.

Алексей закрыл глаза. В темноте перед ним всплыло лицо Анастасии — не той тонкой девушки из Дома Молчания, а нынешней, с обветренными губами и жестким взглядом. И Лейла... её смуглые руки, спасшие жизнь его сына шесть лет назад, её безмолвное присутствие, которое стало для них необходимостью, как воздух.

Он знал, что сейчас на хуторе Анастасия укладывает Петра спать, а Лейла чистит пистолет, прислушиваясь к шороху камышей. Они были там одни, защищенные лишь верностью Федора и собственной решимостью.

— Скоро, — прошептал он в пустоту комнаты. — Еще немного.

Он знал, что лжет сам себе. Тайная экспедиция уже здесь. А значит, время покоя истекло. Потемкин потребует результатов, Шешковский потребует правды, а Империя потребует новых жертв.

Алексей поднялся, подошел к окну и посмотрел на юг. Там, за черной полосой степи, лежал Крым — земля, которая должна была стать либо их спасением, либо их общей могилой.

ГЛАВА 2. АМАЗОНКА В ТЕНИ

Июнь 1780 года. Бахмутская провинция. Плавни Северского Донца.

Утро в плавнях начиналось не с солнца, а с тумана. Густого, липкого, пахнущего тиной и мокрой осокой. Мир здесь терял очертания, превращаясь в серое молоко, где любой звук — всплеск рыбы, крик выпи или хруст ветки — мог означать либо добычу, либо смерть.

Петр стоял по колено в холодной воде, замерев, как цапля. Его светлые волосы, выгоревшие до белизны, слипались от сырости, но голубые глаза — глаза Вяземских — смотрели немигающе. Ему скоро должно исполниться шесть лет. В маленькой, но уже окрепшей руке он сжимал рукоять черкесского кинжала. Лезвие не дрожало.

— Sessizlik, — прошелестел голос у него за спиной. — Daha sessiz. (Тишина. Еще тише).

Лейла выступила из камышей бесшумно, словно сама была соткана из тумана. В свои двадцать шесть она была совершенством, выкованным в огне чужих войн. Годы на границе не состарили её, а лишь отсекали всё лишнее, как скульптор отсекает мрамор. Её тело, скрытое под мужскими шароварами и простой льняной рубахой, дышало мощной, гибкой силой. Черные волосы были заплетены в тугую косу, обвитую вокруг головы, открывая длинную шею и скулы, о которые, казалось, можно порезаться.

Она не была похожа на русских крестьянок или жеманных барышень. В ней жила древняя, хищная красота гор, где женщина должна уметь защитить очаг, когда мужчины уходят в набег.

Лейла подошла к мальчику и накрыла его руку своей смуглой ладонью. Её пальцы были жесткими, мозолистыми, но прикосновение — неожиданно теплым.

— Ты дышишь, как загнанная лошадь, küçük kurt (волчонок), — сказала она на смеси русского и турецкого, на которой они говорили здесь, вдали от матери. — Твое дыхание выдает тебя раньше, чем ты наносишь удар.

— Я замерз, Лейла, — шепотом ответил Петр, но кинжал не опустил.

— Мертвые не мерзнут. А ты хочешь жить.

Она скользнула рукой по его спине, выправляя осанку.

— Французский язык, которому учит тебя мать, нужен, чтобы лгать во дворцах, — продолжила она, и в её голосе звучала странная, горькая гордость. — А язык стали нужен, чтобы выжить в степи. Смотри туда.

Она указала на едва заметную рябь в десяти шагах от них. Там, среди корней старой ивы, висела связка сухой травы — мишень.

— Представь, что это горло ногайца, который пришел за твоей матерью. Не думай. Бей.

Петр метнул кинжал. Клинок сверкнул серебряной рыбкой и с глухим стуком вошел в дерево, на палец выше цели. Мальчик разочарованно выдохнул.

— Плохо.

— Не плохо, — Лейла подошла к иве, легко выдернула нож и вернулась. — Но недостаточно, чтобы убить с первого раза. А второго раза у тебя не будет.

Она присела перед ним на корточки, оказавшись лицом к лицу. Её темные, миндалевидные глаза смотрели на него с такой интенсивностью, что Петр невольно выпрямился. Она видела в нем черты Алексея — тот же упрямый подбородок, тот же разворот плеч. Но в нем была и мягкость Анастасии, которую Лейла безжалостно вытравливала, зная, что мир не пощадит «барчука».

— Послушай меня, Петр, — она перешла на чистый турецкий, гортанный и резкий. — Твой отец — великий воин. Но он далеко. Твоя мать — святая женщина, но её молитвы не остановят стрелу. Ты — мужчина. Ты должен знать яд, знать след, знать слово врага. Когда ты

вырастешь, ты наденешь шелк и бархат. Но под шелком у тебя должна быть кожа ногойца и сердце волка. Понял?

— Anladım (Понял), — кивнул мальчик.

Лейла улыбнулась — редко, только уголками губ, но от этой улыбки её лицо вдруг стало невероятно красивым, той самой красотой, из-за которой когда-то падишахи начинали войны. Она провела ладонью по его щеке, стирая грязь.

— Тогда бери нож. Еще раз. Пока туман не уйдет.

Она выпрямилась, вновь превращаясь в бесстрастного стража. В этой глуши, где они были никто — ни князя, ни рабы — она была его настоящей наставницей. Не гувернанткой с книжкой, а тенью с кинжалом.

Вдруг Лейла замерла. Её ноздри хищно раздулись, голова резко повернулась к стороне хутора. Ветер переменялся. Сквозь запах тины пробился другой запах — пыли, дегтя и чужого коня.

— Домой, — скомандовала она, мгновенно меняя тон. Голос стал сухим и жестким. — Быстро. И помни: кинжал в рукав. Матери ни слова о ножах. Для неё мы собирали травы.

Петр спрятал оружие с ловкостью фокусника. Он видел, как напряглась спина Лейлы, как её рука легла на пояс, где под рубахой был спрятан её собственный кривой нож. Волчонок почуял тревогу волчицы.

Они двинулись к хутору, растворяясь в камышах. Урок закончился. Началась реальность.

* * *

Солнце стояло в зените, заливая двор хутора расплавленным золотом. Здесь, вдали от больших трактов, тишина была такой плотной, что жужжание шмеля казалось гулом пушечного ядра.

Анастасия — теперь для всех вдова Алевтина — стояла у колодца. Шесть лет назад, в Петербурге, это ведро с водой показалось бы ей неподъемным. Тогда ее пальцы знали лишь холод клавиш клавесина и шелк бальных перчаток. Теперь ее руки были темными от загара, с короткими, аккуратно обстриженными ногтями, а на ладонях затвердели мозоли от черенка мотыги и поводьев.

Она вытянула ведро, перелила ледяную воду в глиняную корчагу и отерла лоб тыльной стороной ладони. Степь не пощадила её прежней красоты, она переплавилась. Фарфоровая бледность исчезла, уступив место здоровой смуглости, в уголках глаз залегли тонкие лучики морщинок — от постоянного прищуривания на солнце. Но в самих глазах, огромных и серых, сохранилась та мягкая, теплая глубина, которую не могли выжечь ни ветра Новороссии, ни страх.

Скрип колес разорвал тишину.

Анастасия вздрогнула, но не испугалась. Страх давно перестал быть для нее острым уколом, став привычным, фоновым гулом. Она поставила корчагу и подошла к тесовым воротам, прикрывая глаза ладонью от солнца.

На дороге, поднимая клубы серой пыли, показалась повозка. Лошадь шла тяжело, понунав голову. На козлах сидела знакомая широкая фигура.

— Федор, — выдохнула она, и сердце сжалось.

Он был один.

Анастасия распахнула ворота сама, не дожидаясь работника. Телега вкатилась во двор. Федор натянул вожжи, и лошадь с шумным выдохом остановилась.

Он спрыгнул на землю — грузный, пропахший дорогой и потом. Его лицо было чернее тучи. Он не улыбнулся, увидев хозяйку, лишь стянул шапку и низко поклонился.

— Здравия желаю, Настасья Николаевна.

— Где он? — спросила она тихо. В её голосе не было истерики, только напряжение натянутой струны. — Почему ты один?

Федор подошел ближе, отвязывая от седла сумину с припасами. Он старался не смотреть ей в глаза.

— Князь в Херсоне, матушка. Дела государственные. Потемкин спуску не дает, верфи горят, сроки жмут... Приказал мне проведать вас.

Анастасия шагнула к нему и мягко, но настойчиво коснулась его рукава. Ткань была горячей и пыльной.

— Не лги мне, Федор, — сказала она. В её тоне прозвучала та самая властность, которую она прятала годами, но сейчас, в минуту тревоги, она прорвалась наружу. — Я знаю, как ты дышишь, когда все хорошо. И я вижу твоё лицо. Ты привез не просто привет. Ты привез беду.

Федор замер. Он поднял на неё взгляд — взгляд верного пса, который хочет защитить, но не знает, как укунить невидимого врага.

— Беды пока нет, Настасья Николаевна. Но воздух в Херсоне... душный. Человек там появился. Из Петербурга. Ходит, нюхает, про вдову расспрашивает.

Анастасия побледнела под загаром. Её пальцы сжали рукав Федора сильнее.

— Кто?

— Не знаю. Но Алексей Петрович велел быть настороже. Сказал: «Береги их, Федя. Глаз не спускай». Потому я и здесь. Не за мукой приехал, а...

— Охранять, — закончила она за него.

Анастасия отпустила его руку и отвернулась к дому. Её взгляд скользнул по крепким стенам, по маленькому садику с мальвами, который она вырастила на этой сухой земле. Все это — этот хрупкий мир, который они строили по кирпичику — зашаталось от одного слова «Петербург».

— Он не придет? — спросила она, глядя в пустоту.

— Не сейчас. Если за ним следят, он не может привести хвост сюда. Он отводит беду на себя, Настасья Николаевна. Как всегда.

В этот момент ворота снова скрипнули, но уже от ветра. Со стороны плавней во двор вошли двое.

Впереди шла Лейла. Её походка была хищной и легкой, мокрая рубаха липла к телу, подчеркивая мышцы. За ней, стараясь копировать её бесшумный шаг, семенил Петр. Его светлая головка казалась одуванчиком рядом с черной гривой черкешенки.

Анастасия увидела их, и её лицо изменилось. Тревога ушла вглубь, спряталась за маской материнского тепла.

— Петруша! — окликнула она, раскрывая объятия. В этом жесте было столько нежности, столько исконно русской, жертвенной любви, что Федор отвел глаза — ему стало больно смотреть на эту хрупкую женщину, над которой занесен топор палача.

Петр, забыв про суровые уроки Лейлы, бросился к матери.

— Мама! Мы видели цаплю! И Лейла учила меня...

Он осекся, поймав строгий взгляд черкешенки.

— ...смотреть, — закончил он.

Анастасия прижала сына к себе, зарываясь лицом в его пахнущие рекой волосы. Поверх его головы она встретила взглядом с Лейлой. Черкешенка стояла неподвижно, рука привычно лежала на поясе. В её темных глазах Анастасия прочитала тот же вопрос, что мучил и её: «Началось?»

Анастасия едва заметно кивнула. Лейла сузила глаза и перевела взгляд на Федора, оценивая его мрачность. Без слов, на уровне женской интуиции и звериного чутья, эти две совершенно разные женщины — мягкая, как хлеб, княжна и острая, как сталь, горнячка — поняли друг друга.

Кольцо сжималось.

— Федор, распрягай, — голос Анастасии снова стал спокойным и ровным. — Ты устал с дороги. Я велю накрыть на стол. Мы дома. И пока мы здесь — это наша крепость.

Она взяла Петра за руку и повела его в дом, словно пытаясь закрыть его своим телом от невидимого взгляда из Петербурга.

* * *

В горнице пахло чабрецом и теплым воском. Единственная сальная свеча догорала в плошке, отбрасывая на бревенчатые стены дрожащие тени. За окном, в густой южной тьме, неустанно стрекотали цикады, напоминая о том, что за тонкими стенами дома лежит бескрайняя, чужая степь.

Анастасия сидела на краю кровати, глядя сына по голове. Петр ворочался, во сне его лицо хмурилось — даже ночью он продолжал вести свои маленькие невидимые битвы.

— Вісак... (Нож...) — пробормотал он, сжимая кулачок.

Анастасия осторожно разжала его пальцы. Маленькая, теплая ладошка. В ней не должно быть ножа. В ней должно быть перо, или книга, или хотя бы игрушечный солдатик. Но Лейла учила его другому. И Анастасия знала, что Лейла права, но от этого знания сердце сжималось еще сильнее.

— Спи, мой родной, — прошептала она, наклоняясь к самому его уху. — Спи, князь.

Она начала напевать. Не те гортанные, резкие мотивы, которые пела ему днем черкешенка, а старую, тягучую мелодию, которую сама слышала в далеком детстве, в поместье под Москвой, когда еще была жива мама.

— Котя, котенька-коток, Котя — серенький лобок... Приди, котя, ночевать, Приди Петеньку качать...

Голос её был тихим, с легкой хрипотцой. В этой песне был запах морозного снега, которого Петр никогда по-настоящему не видел, запах накрахмаленных простыней и спокойствия. Того мира, который сгорел.

Петр вздохнул глубоко, по-детски, и затих. Его дыхание выровнялось.

Анастасия посидела так еще минуту, впитывая тепло сына, словно запасая его впрок. Затем она медленно встала, стараясь не скрипнуть половицей, и подошла к окну.

Ставни были открыты. Луна заливала двор мертвенно-бледным светом. Там, у амбара, темнел силуэт Федора — он не спал, сидя на крыльце с заряженным мушкетом.

«Нас сторожат, как преступников. Или как драгоценность, которую боятся потерять», — подумала она.

Анастасия поднесла руку к лицу, рассматривая её в лунном свете. Кожа огрубела. На большом пальце — мозоль от рукояти плети. На запястье — тонкий шрам от осои. Это были руки крестьянки Алевтины. Руки, которые умели доить козу, белить стены и заряжать пистолет.

Она распустила ворот платья, чувствуя, как ночная духота липнет к коже. Ей было двадцать четыре. Тело её налилось силой, стало упругим и жадным до жизни, но эта жизнь проходила мимо.

Она вспомнила Алексея.

Не того блестящего офицера в маске, которого полюбила в Петербурге. А того, каким он приезжал сюда — пыльного, уставшего, пахнувшего порохом и дешевым табаком. Их встречи были редкими и короткими, как вспышки молнии. В них было мало слов, но много отчаяния. Он брал её не как муж, а как путник, добравшийся до оазиса, пил её жадно, до дна, пытаясь смыть с себя грязь политики и кровь казней.

В эти моменты она чувствовала себя живой. Но потом он уезжал. И она оставалась одна в этой душной комнате.

«Кто я теперь?» — спросила она у своего отражения в темном стекле.

Анастасия Ржевская умерла в 1774 году. Сгорела в пламени пожара. Алевтина — вдова, экономка, тень. Никто. У нее нет права носить фамилию человека, которого она любит. Нет права выйти с ним под руку в свет. Нет права даже умереть под своим именем.

— Золотая клетка в Диком поле, — прошептала она, касаясь пальцами губ, которые помнили поцелуй Алексея. — Ты построил мне дворец из камыша, Алеша. Но стены в нем прозрачные.

Внизу, во дворе, Федор пошевелился, перехватывая ружье. Где-то в степи завыл шакал — плачущий, тоскливый звук.

Анастасия знала: Федор привез не просто плохие новости. Он привез запах конца. Их хрупкое равновесие, купленное ценой стольких жертв, рушилось.

Она отошла от окна и посмотрела на пустую половину широкой кровати. Подушка рядом была холодной. Она легла, свернувшись калачиком, как когда-то в каменном мешке Ивановского монастыря. Но теперь холод шел не от стен. Он шел изнутри.

Она закрыла глаза и представила, что рука, лежащая на её талии — это рука Алексея, а не ее собственная.

— Возвращайся, — прошептала она в подушку. — Возвращайся, пока я еще помню, кто я такая.

Свеча мигнула и погасла, оставив ее наедине с темнотой ночи.

ГЛАВА 3. ЛЕЙЛА — ШЕСТЬ ЛЕТ БЕЗМОЛВИЯ

Сон всегда начинался одинаково. С запаха.

Тяжелого, душиного аромата сандала, розового масла и запекшейся крови. Это был запах ее шатра под Кючук-Кайнарджи. Июнь 1774 года.

Во сне Лейла снова была там. Ей двадцать. На ней прозрачные шальвары и жилет, расшитый золотом, который скорее подчеркивает наготу, чем скрывает её. Она лежит на богатых коврах, наклонив голову, ожидая гяура, которого должна соблазнить и вывести тайны русских.

Полог шатра откидывается. Входит он.

Алексей. Тогда он был другим. Моложе, злее, с повязкой на раненом плече, пропитанной сукровицей. От него пахло порохом и конским потом — запахом войны, который всегда возбуждал женщин Востока, знающих, что сила — это единственная валюта.

Лейла поднимает глаза. Она готова. Она знает свое ремесло: как изогнуться, как посмотреть, как пообещать рай одним движением ресниц. Она видит, как его взгляд скользит по ней. Она видит мужской голод — тот самый, вечный, темный. Она ведет его на ложе, ведет ладонями по его груди, по мокрой от пота рубашке. Её руки обвивают его шею. Алексей подается вперед. Его рука скользит по её спине, сжимает тонкую талию.

Но потом происходит то, что снится ей уже две тысячи ночей.

Он выдергивает ятаган из ножен. Звук стали, трущейся о кожу ножен, звучит резко и страшно. Алексей прижимает плоскость холодного клинка к её обнаженной шее, прямо под подбородком. Но он не убивает ее. Он предлагает ей свободу. Говорит ей: «... Я вывезу тебя. В Россию. Дам вольную. Дам золото. Ты будешь жить, Лейла. Будешь сама выбирать мужчин, а не раздвигать ноги по приказу. Выбирай сейчас. Смерть в грязи завтра утром — или жизнь?». И она соглашается. Она отдает ему тайны, которые помогут раздавить турок.

Сцена меняется... они в его шатре, предварительные условия мира подписаны, она с ним вдвоем. Но он не делает шаг вперед. Он не срывает с нее шелк.

— Оденься, — его голос во сне звучит как гром. — Ты свободна.

В этом сне она, как и тогда, не верит. Она подходит к нему, встает на колени, обнимает его ноги, покрытые пылью. Она предлагает ему свое тело как печать их сделки. Она хочет, чтобы он взял плату. Потому что, если он не возьмет её тело, он заберет её душу.

Но он поднимает её с колен. Его руки горячие и жесткие. Он смотрит ей в глаза, и в этом взгляде нет похоти хозяина. Есть боль человека, который сам потерял всё.

— Я не покупаю людей, Лейла. И не беру силой тех, кто не может отказать.

Сон меняется. Шатер растворяется в дыму.

Теперь она видит другое. Тесную кибитку беглецов. Осень. Дождь барабанит по крыше старой избы в ските. Анастасия мечется в горячке, а на руках у Лейлы лежит маленький, синий комочек. Петр. Он родился раньше срока, слишком слабым, чтобы кричать. Он не дышит. Алексей стоит рядом, белый как мел, сжимая кулаки так, что белеют костяшки. Он смотрит на умирающего сына и на обессиленную жену.

В этот миг Лейла чувствует свою власть. Не женскую, а ведьминскую. Она достает из волос длинную, тонкую стальную иглу.

— Науат... (Жизнь...) — шепчет она.

Во сне игла кажется огромной. Она втыкает её в точку под носом младенца — резко, точно, туда, где соединяются меридианы жизни и смерти. Точка жэнь-чжун.

Секунда тишины, которая длится вечность. А потом — тихий, жалобный всхлип, перерастающий в крик. Ребенок дышит.

...Лейла проснулась от того, что ей не хватало воздуха.

Она резко села на узкой лежанке. Сердце колотилось о ребра, как пойманная птица. Темнота хутора была вязкой и тихой, но её тело горело. Кожа была влажной от пота, соски затвердели, а внизу живота тянуло сладкой, ноющей болью.

Её рука привычно метнулась к груди. Там, в маленьком кожаном мешочке, висевшем на шнурке, она нащупала твердый металл. Та самая игла.

Лейла сжала её через кожу. Боль от острого кончика немного отрезвила её.

— Аһмак... (Дура...), — прошептала она в темноту.

Шесть лет. Шесть лет она живет рядом с ним. Она нянчит его сына, которого вытаскивала с того света. Она охраняет его женщину, которая владеет его сердцем, но не его страстью. Анастасия — это икона. Светлая, чистая, жена. А Лейла — это тень.

Но тени становятся длиннее, когда солнце клонится к закату.

Она откинулась на подушку, слушая дыхание спящего дома. За стеной, в большой комнате, спала Анастасия. Одна. Лейла знала это чувство пустоты в постели. Но у Анастасии была надежда на возвращение мужа. У Лейлы была только эта игла и память о том, как Алексей смотрел на неё тогда, в шатре.

Она знала: он хотел её. Она чувствовала это звериным чутьем все эти годы. Каждый раз, когда он случайно касался её руки, передавая поводья. Каждый раз, когда их взгляды встречались над головой Петра. Он сдерживал себя из чести, из верности этой бледной дворянке.

— Ты — сталь, Алексей, — прошептала черкешенка, закрывая глаза и представляя его лицо. — Но даже сталь плавится, если огонь слишком горяч.

Лейла улыбнулась в темноте. Улыбкой, в которой было мало святости, но много любви — той, что готова и убить, и умереть.

Она достала иглу из мешочка и уколола палец. Капля крови выступила в темноте, черная, как её грех.

— Я спасла твою кровь, Эфенди, — прошептала она. — Теперь ты должен мне мою.

* * *

Лейла вышла во двор, когда солнце только коснулось верхушек ковыля, окрасив степь в цвет сырого мяса.

Утро для нее начиналось не с молитвы, а с холодной воды. Она подошла к деревянной лохани и плеснула освежающую влагу себе в лицо. Вода обожгла кожу, смывая остатки душного, порочного сна, но не смывая тоски.

Она вытерлась грубым полотном, чувствуя, как кровь начинает быстрее бежать по жилам. Жизнь на хуторе, полная тяжелого труда, не испортила её фигуру, а лишь сделала её плотной и литой. Под льняной рубашкой перекачивались мышцы, готовые к прыжку. Она знала, что красива. Но здесь, в глуши, её красоту видели только лошади да слепые иконы в красном углу.

Лейла вернулась в летнюю кухню — пристройку, где пахло сушеным шалфеем, зверобоем и горькой полынью. Это было её царство. Алексей привозил ей из города не шелка, а ступки, реторты и книги по медицине. Он знал: то, что не лечит слово Божье, лечат знания и степные травы.

Она бросила в ступку щепоть сушеной родиолы и пару зерен лимонника. Пестик глухо ударил о дно: тук-тук-тук. Ритм жизни, который она поддерживала в этом доме.

Дверь скрипнула. На пороге появилась Анастасия.

Лейла подняла глаза и на мгновение замерла. Княжна — нет, теперь вдова Алевтина — куталась в шаль, хотя утро уже обещало быть жарким. Её лицо было бледным, под глазами залегли тени цвета старой сирени. Она казалась почти прозрачной на фоне закопченных стен кухни.

— Ты рано встала, Лейла, — голос Анастасии был тихим, словно надтреснутым.

— Травы любят росу, ханум, — отозвалась черкешенка, не прерывая работы. — А мысли любят тишину.

Анастасия прошла к лавке и села, тяжело опершись на стол. Её тонкие пальцы нервно теребили бахромку шали. Лейла видела эти руки: они огрубели от работы, но в жестах осталась та врожденная, неистребимая грация, которую не выжечь никаким солнцем.

— Федор не спит, — сказала Анастасия, глядя в окно, где виднелась фигура слуги у ворот. — Он всю ночь просидел с ружьем. Скажи мне правду, Лейла. Ты ведь чувствуешь то же, что и я? Воздух стал... тяжелым.

Лейла отложила пестик. Она налила кипятка в чашку с травами, наблюдая, как вода окрашивается в золотистый цвет.

— Страх — плохой советчик, — ответила она, ставя чашку перед Анастасией. — Выпей. Это даст силы сердцу.

Анастасия обхватила чашку ладонями, грея пальцы.

— Силы... — горько усмехнулась она. — У меня их нет, Лейла. Я смотрю на тебя и завидую. Ты как дикая ива: гнешься на ветру, но не ломаешься. А я... я чувствую себя фарфоровой чашкой, которую склеили, но забыли поставить в шкаф. Я боюсь каждого скрипа ворот. Боюсь, что однажды придет не Алексей, а конвой.

Лейла смотрела на неё сверху вниз. В её груди смешались жалость и странная, темная гордость. Да, эта русская женщина владела сердцем Алексея. Она была его душой, его совестью, его светом. Но свет был слабым. Он дрожал на ветру. А Лейла была маслом, которое не давало этому огню погаснуть. Или водой, которая могла его залить.

— Ты мать его сына, — жестко сказала Лейла. — Это твоя сила. Волчица дерется страшнее, когда защищает логово, чем когда защищает себя.

— Я не волчица, Лейла, — Анастасия подняла на неё свои огромные серые глаза, полные слез. — Я просто женщина, которая хочет перестать лгать. Я устала быть мертвой для мира.

Лейла обошла стол и положила тяжелую руку на хрупкое плечо Анастасии. Это был жест не служанки, а старшей сестры — или воина, утешающего раненого.

— Пока мы живы — мы не мертвы. Пей отвар. Петру нужна мать, которая стоит на ногах, а не лежит в лихорадке.

Анастасия послушно сделала глоток. Лейла видела шрам на её шее, скрытый воротником. Метка смерти. И метка любви Алексея.

«Он любит твою слабость, — подумала Лейла, чувствуя укол ревности, острый, как игла у нее на груди. — Он любит то, что должен тебя спасать. А меня спасать не надо. Я сама кого хочешь спасу. И, может быть, именно поэтому я никогда не буду на твоём месте».

— Федор сказал, что в Херсоне за Алексеем следят, — вдруг прошептала Анастасия.

Лейла сжала пальцы на её плече чуть сильнее.

— Пусть следят. Лиса тоже следит за барсом, но барс от этого не перестает быть хищником. Алексей справится. А мы будем ждать. И точить ножи.

Она отошла к печи, скрывая лицо. Ей нужно было заняться делом. Иначе желание закричать от собственного бессилия и скрытой страсти разорвало бы её горло.

Анастасия допивала горький отвар, не зная, что в нескольких шагах от неё стоит женщина, готовая умереть за её мужа, но мечтающая хотя бы раз занять её место в его постели.

ГЛАВА 4. ВИЗИТ ИНКВИЗИТОРА

Июньский полдень давил на степь тяжелой, душной плитой. Воздух дрожал над дорогой, искажая горизонт, словно мир плавился в тигле невидимого кузнеца. Цикады не трещали, а визжали, сходя с ума от зноя. Даже ветер, обычно приносивший облегчение с реки, сегодня был горячим и сухим, набивая рот пылью.

Федор сидел в тени надвратной башни, которую Алексей велел построить под видом голубятни. С этой вышки степь просматривалась на три версты. Федор шурился, глядя на дорогу, ведущую от бахмутского тракта. В его руках был кусок промасленной ветоши и разобранный замок кремневого пистолета.

Он любил оружие. Оно было честным. Если ты за ним ухаживаешь — оно не подведет. С людьми было сложнее.

На дороге показалось облачко пыли. Слишком маленькое для татарского отряда, слишком быстрое для чумацкого обоза.

Федор отложил ветошь и подался вперед. Пыль приближалась, и вскоре из марева вынырнула легкая рессорная бричка, запряженная парой крепких гнедых. Такие экипажи в этих краях были редкостью — местные помещики предпочитали тяжелые колымаги, способные пережить бездорожье, а казаки и вовсе не признавали колес, если под ними не было седла.

Бричка шла ходко, уверенно, словно кучер точно знал, куда править.

Федор нахмурился. Он увидел седока — фигуру в темном, наглухо застегнутом сюртуке и треуголке, надвинутой на лоб. Человек сидел прямо, не откидываясь на спинку, несмотря на тряску.

В памяти Федора всплыл разговор на верфях Херсона. «Сапоги тонкой кожи, петербургские...»

— Нашел-таки, ирод, — прохрипел Федор.

Он быстро собрал пистолет — пальцы работали сами, вслепую, вставляя пружину и затягивая винт. Щелкнул курок. Порох на полке был сухим. Федор сунул оружие за пояс, под широкую рубаху, и проверил, легко ли выходит нож из голенища.

Это был не разбойник. Разбойника Федор уложил бы прямо отсюда, с вышки, из длинноствольного карабина. Но этот человек был страшнее. Он вез с собой не кистень, а закон. А против закона пуля — плохой аргумент, если хочешь, чтобы хозяева остались живы.

Федор спустился во двор. Лейла развешивала белье на веревках, натянутых между яблонями. Увидев лицо Федора, она замерла с мокрой рубашкой в руках.

— Уведи малого в дом, — бросил он ей на ходу, не повышая голоса. — И сама не высывайся. Гости.

Лейла не стала задавать вопросов. Она мгновенно выронила белье в корзину и свистнула — тихо, по-птичьи. Петр, возившийся с деревянной саблей у крыльца, поднял голову. Лейла сделала знак рукой, и они оба исчезли в дверях дома быстрее, чем тень от облака.

Федор подошел к воротам. Он отпер тяжелый засов, но створки распахивать не стал. Он встал в калитке, перекрывая проход своим мощным телом.

Бричка остановилась в десяти шагах. Пыль медленно оседала на темное сукно сюртука приезжего.

Человек сошел на землю. Он был молод, поджар и неприятно опрятен для человека, проехавшего двадцать верст по степи. Его сапоги были покрыты слоем серой пыли, но пряжки блестели. Лицо было спокойным, с тонкими, интеллигентными чертами, но глаза... Глаза были цепкими и холодными, как у ящерицы, греющейся на камне.

Максим Глебов поправил манжеты и чуть улыбнулся. Улыбка не коснулась его глаз.

— Бог в помощь, добрый человек, — произнес он голосом, в котором слышалась столичная мягкость, но за которой лязгал металл. — Далеко ли до имения князя Вяземского? Боюсь, мой кучер сбился с пути.

Федор сплюнул под ноги, не сводя с него тяжелого взгляда.

— Тут все земли князя Вяземского, барин. Отсюда и до самого горизонта. А сам князь в Херсоне, государеву службу правит. Вам бы на тракт вернуться, здесь дороги нет. Тупик.

Глебов не двинулся с места. Он медленно снял перчатку и достал из кармана белый платок, промокнув сухой лоб.

— Тупик, говоришь? — переспросил он, и в его голосе прозвучало странное удовлетворение. — А мне сказали, здесь хутор «Отрада». И управляет им некая вдова... Алевтина, кажется? Мне бы воды испить, братец. И с хозяйкой перемолвиться. Дело у меня... казенное. По земельной части.

Федор почувствовал, как напряглись мышцы спины. Этот человек знал имя. Он не заблудился. Он пришел на запах.

— Воды дам, — глухо ответил Федор. — А хозяйка не принимает. Хворая она.

— Хворая? — Глебов сделал шаг вперед. Теперь они стояли почти вплотную. Федор чувствовал запах дорогой пудры и мятной воды, исходящий от гостя. — Это печально. Но я, видишь ли, лекарством раньше баловался. Может, помогу чем? От мигрени... или от памяти дурной?

Он смотрел на Федора снизу вверх, но в его позе не было страха. Только азарт игрока, который вскрыл карты противника.

За спиной Федора скрипнула дверь дома.

— Пропусти гостя, Федор, — раздался спокойный, властный голос.

Федор обернулся. На крыльце стояла Анастасия. Она была в простом темном платье, волосы убраны под вдовий чепец. Она держалась прямо, как струна.

Глебов снял треуголку и отвесил изящный поклон, но его взгляд мгновенно метнулся к её шее, скрытой высоким воротом.

— Благодарю вас, сударыня, — произнес он. — Максим Николаевич Глебов, титулярный советник. Ревизор.

Федор нехотя отступил в сторону, открывая проход. Волчица сама вышла к охотнику.

* * *

Глебов вошел во двор не как завоеватель, а как ценитель. Его цепкий, холодный взгляд скользил по выбеленным стенам мазанки, по идеально ровным грядкам огорода, по чисто выметенному току. Он искал не грязь, он искал порядок. Порядок — это примета ума, а ум здесь, в Диком Поле, был товаром редким.

— Очаровательно, — пробормотал он, снимая перчатку и похлопывая ею по ладони. — Истинно европейская аккуратность посреди азиатского хаоса. Не находите, сударыня?

Анастасия стояла на верхней ступени крыльца. Она чувствовала, как Федор за спиной гостя превратился в каменную глыбу, готовую обрушиться по первому знаку. Но знака давать было нельзя.

— Мы живем просто, сударь, — ответила она. Голос её был ровным, чуть глуховатым. Она старательно гасила в нем петербургские интонации, делая его более «плоским», южным. — Порядок помогает выжить. Прощу, присядьте в тени. Федор, воды гостю.

Глебов поднялся на веранду. Сапоги его скрипнули — единственный резкий звук в вязкой тишине полудня. Он сел на предложенную лавку, но не расслабился. Его позвоночник оставался прямым, как шомпол.

Федор подал ковш с водой. Глебов принял его двумя руками, словно драгоценную чашу, и сделал долгий глоток, не сводя глаз с хозяйки.

— Благодарствую. Вода у вас сладкая. Редкость в этих солончаках.

Он поставил ковш и промокнул губы платком.

— Вы позволите представиться полнее? Максим Глебов, следуя из Бахмута. Казенная палата поручила уточнить межевые границы. Знаете ли, с этими новыми землями такая путаница... То казаки захватят, то греки припишут лишнее. А у князя Вяземского владения обширные. И, говорят, управляются они женской рукой.

Анастасия скрестила руки на груди, плотнее запахивая шаль. Этот жест не укрылся от гостя.

— Князь в Херсоне, — повторила она. — А я вдова, лишь присматриваю за хозяйством... в отсутствие хозяина.

— Вдова? — Глебов чуть наклонил голову, словно птица, разглядывающая червяка. — Ах да. Алевтина Ивановна, если не ошибаюсь? Мне рассказывали в уезде. Печальная судьба. Потерять мужа в столь юном возрасте... Вы ведь не здешняя?

— Бог везде один, сударь. И земля всех принимает одинаково.

— И всё же, — Глебов мягко улыбнулся. — В вашем говоре слышится не малороссийская напевность, а столичная твердость. И руки... — он бросил быстрый взгляд на её ладони. — Руки у вас знали труд, но форма ногтей... выдает породу. Странно встретить такую жемчужину в навозе.

Анастасия почувствовала, как по спине пробежал холодок. Он загонял её в угол, комплиментами срезая пути к отступлению.

— Мой покойный муж был офицером, — солгала она, глядя ему прямо в переносицу — так учил Алексей: если врешь, смотри не в глаза, а чуть выше, это сбивает с толку. — Я ездила с ним по гарнизонам. Там и научилась всему. А порода... Беда любого дворянина в мужика превратит, если жить захочешь.

— Офицером... — протянул Глебов задумчиво. — Это похвально. Война 1774 года много вдов наплодила. И многие тайны породила. Знаете, я ведь тоже тогда служил. В Москве. Помню тот страшный год. Чумные бунты, пожары... Особенно пожар в Ивановском монастыре. Говорят, страшное было зрелище. Люди заживо горели в кельях.

Он сделал паузу, повисшую в воздухе тяжелым топором.

— Вы никогда не бывали в Москве, Алевтина Ивановна?

Анастасия почувствовала, как сердце пропустило удар. Он знал. Он не спрашивал, он проверял реакцию.

— Бывала проездом, — сухо ответила она. — Но пожаров не видела. Бог миловал.

— Миловал... — эхом отозвался Глебов. — Это хорошо. Огонь оставляет страшные следы. Не только в душе, но и на теле. Шрамы, которые не сходят годами.

Он вдруг подался вперед, нарушая границы приличия. Его рука, якобы поправляя манжету, дернулась в её сторону, словно он хотел коснуться её плеча — или сдернуть шаль.

— У вас, сударыня, кажется, оса там... На шее. Позвольте...

Это была провокация. Грубая, рассчитанная на инстинктивный испуг.

Анастасия не отшатнулась. Она перехватила его взгляд — и в её глазах на секунду вспыхнуло то самое, родовое, ржевское высокомерие, которое она давила в себе шесть лет.

— Не трудитесь, сударь, — её голос хлестнул как кнут. — Осы меня не кусают. А чужие руки я не люблю.

Она медленно, демонстративно поправила воротник, закрывая шею еще плотнее.

— Если у вас дело к князю — ждите его в Херсоне. Здесь межевых столбов нет. Здесь только мой дом и мои люди.

Глебов замер. Улыбка сползла с его лица, обнажив истинную сущность — холодную и расчетливую. Он медленно убрал руку.

— Ваши люди... — он скосил глаза на Федора, чья рука уже лежала на рукояти ножа. — Верные псы — это хорошо. Но иногда они кусают хозяев, если те скрывают от них... болезнь. Бешенство, например. Или государственную измену.

Он поднялся. Легко, пружинисто.

— Благодарю за воду, Алевтина Ивановна. Или как вас там по метрике... Я уезжаю. Но я вернусь. Межевание — дело долгое. Иногда приходится копать глубоко, чтобы найти истинные границы... дозволенного.

Он надел шляпу, не поклонившись.

— И берегите шею, сударыня. Солнце здесь злое. Обжигает до костей.

Глебов развернулся и пошел к бричке, печатая шаг. Анастасия смотрела ему в спину, чувствуя, как дрожат колени под юбкой. Она выиграла эту сцену, но проиграла войну. Он увидел всё, что хотел: её страх, её манеры и то, как она прячет шею.

— Федор, — тихо позвала она, когда бричка тронулась.

— Догнать? — хрипло спросил слуга. — В балке, за поворотом. Никто не узнает.

— Нет, — она покачала головой, чувствуя вкус пепла на губах. — Поздно. Если он исчезнет, сюда придет армия. Готовь лошадей, Федор. Нам нужно послать весточку Алексею.

Она повернулась к дому. В темном проеме двери стояла Лейла, держа руку у сердца, где под рубахой была спрятана игла.

— Он знает, — одними губами произнесла черкешенка.

— Знает, — ответила Анастасия. — И он придет за нами.

ГЛАВА 5. ПРИКАЗ «АРАПА»

Июнь 1780 года. Херсонская крепость. Штаб генерал-цейхмейстера.

В кабинете Ивана Абрамовича Ганнибала было жарче, чем в литейном цеху. Окна были распахнуты настежь, но вместо прохлады в комнату врвался раскаленный ветер, несущий известковую пыль и тяжелый запах солдатской кухни.

— Вон! — рявкнул Ганнибал так, что хрустальный графин на столе жалобно звякнул. — И чтобы я тебя, ворюга, на пушечный выстрел к складам не видел! Под трибунал отдам! На галеры сошлю, кирпичи лбом крошить!

Дверь распахнулась, и из кабинета кубарем вылетел бледный, трясущийся интендант, прижимая к груди папку с накладными. Он едва не сбил с ног Алексея, стоявшего в приемной, пробормотал что-то нечленораздельное и исчез в коридоре.

Алексей усмехнулся уголком рта, поправил манжеты и вошел внутрь.

Иван Абрамович стоял у огромного дубового стола, заваленного картами и образцами корабельной пеньки. В свои сорок пять он был великолепен той дикой, необузданной мощью, которая досталась ему от отца — «арапа Петра Великого». Смуглая, цвета старой бронзы кожа блестела от пота, высокий лоб был перерезан глубокой морщиной гнева, а в черных, как маслины, глазах полыхал огонь, способный поджечь фитиль бомбы без огнива.

На нем был красный мундир морской артиллерии, расстегнутый на груди, открывая белоснежную, но мокрую насквозь сорочку. Звезда ордена Святой Анны тускло поблескивала в пыльном луче света.

— А, князь Вяземский... — Ганнибал тяжело оперся кулаками о столешницу, переводя дыхание. Его голос, только что гремевший как иерихонская труба, снизился до глухого рокота. — Видел этого мерзавца? Гнилую парусину нам подсунул. Думает, если Ганнибал — эфиоп, так он и в парусах не смыслит. А у меня люди в море пойдут!

— Вор должен висеть, Иван Абрамович, — спокойно ответил Алексей, подходя к столу. — Или строить. Второе полезнее.

Ганнибал фыркнул, и его лицо, в котором удивительно сочетались африканская страсть и европейская интеллигентность, чуть смягчилось. Он махнул рукой на стул.

— Садись, Алексей Петрович. В ногах правды нет, есть только пыль. Вина хочешь? Кислятина греческая, но жажду утоляет.

Он сам налил в два стакана темно-красного вина, не дожидаясь денщика.

— Слышал новости? — Ганнибал залпом осушил свой стакан и со стуком поставил его на карту Черного моря. — Светлейший наш, князь Потемкин, нынче в Могилеве. Императрицу развлекает. И гостя её тайного, «графа Фалькенштейна».

— Императора Иосифа? — уточнил Алексей, пригубив вино. Оно действительно было кислым, вяжущим язык.

— Его самого, — Ганнибал скривился, словно съел лимон. — Делят шкуру неубитого медведя. «Греческий проект», понимаешь ли! Византию возрождают! Константинополь им подавай! А у меня здесь, в Херсоне, люди от лихорадки мрут сотнями, и леса на верфи не хватает. Империю они рисуют на карте, а строим её мы — в грязи и крови.

Иван Абрамович прошелся по кабинету, заложив руки за спину. Его шаги были тяжелыми, уверенными. Это был не паркетный шаркун, а боевой генерал, который брал Наварин и знал цену жизни солдата.

— Но я тебя не для жалоб позвал, князь, — Ганнибал резко остановился напротив Алексея. Его лицо стало серьезным и жестким. — Пришел пакет от Светлейшего. С фельдъегерем. Лично в руки.

Он достал из ящика стола запечатанный конверт с личной печатью Потемкина.

— Григорий Александрович требует, чтобы Крым лежал у ног Матушки-Императрицы, как спелая груша, когда она соизволит обратить на него свой взор. Но груша эта, князь, гнилая. И черви в ней — ядовитые.

Алексей поставил стакан. Инстинкт, выработанный годами жизни на грани, заставил его собраться.

— Шагин-Гирей?

— Хан наш — тряпка, обернутая в европейский кафтан, — отрезал Ганнибал. — Он хочет реформ, а его мурзы хотят резать гяуров. Турки через пролив золото возят мешками, подкупают знать. Французы воду мутят, шепчут, что Россия слаба. Если Крым вспыхнет сейчас, пока у нас война с турком на пороге... Херсон не выстоит. Мы еще не готовы.

Ганнибал бросил конверт на стол перед Алексеем.

— Тебе ехать, князь. В Бахчисарай. Официально — ты мой посланник, везешь хану дары и инженеров для постройки дворца. Неофициально... — Ганнибал наклонился ближе, и Алексей увидел в его темных глазах мрачную бездну опыта. — Ты должен сделать так, чтобы мурзы заткнулись. Купи их. Запугай. Убей, если надо. Но к осени в Крыму должна быть тишина. Мертвая тишина или покорная — Светлейшему всё равно.

Алексей взял конверт. Бумага была плотной, дорогой. Она пахла духами Потемкина, перебивая запах пыли.

— Это билет в один конец, Иван Абрамович, — тихо сказал Алексей. — Татары ненавидят русских послов. Особенно сейчас.

— Знаю, — кивнул Ганнибал. В его голосе прозвучало искреннее сочувствие, редкое для генерала такого ранга. — Ты думаешь, я не помню семьдесят четвертый? Ты выжил там, где другие ломались. Ты — сталь, Вяземский. А сталь проверяют огнем.

Иван Абрамович обошел стол и положил тяжелую смуглую руку на плечо князя.

— Светлейший играет людьми, как шахматами. Для него мы фигуры. Но я тебе так скажу, как солдат солдату: будь осторожен. В Бахчисарае змеиный клубок. И самые ядовитые змеи — не те, что шипят, а те, что улыбаются тебе в лицо на приемах. Береги спину, Алексей. И не верь никому. Даже мне.

Алексей поднялся, пряча конверт за обшлаг мундира.

— Я привык не верить, Иван Абрамович. Это единственное, что держит меня на земле.

— Ступай, — Ганнибал устало опустил в кресло, и внезапно Алексей увидел, как тяжело этому мощному человеку нести груз чужих амбиций. — И да... бери с собой кого хочешь и выпиши в цейхгаузе всё, что нужно. Оружие, коней, золото. Я подпишу любую бумагу. Вернись живым, князь. Хороших строителей у меня мало.

Алексей кивнул и вышел в раскаленный коридор. Приказ был получен. Крым ждал его.

* * *

Обратный путь от крепости до дома Алексей помнил смутно. Жара спала, но воздух стал еще тяжелее, напитавшись влагой с лимана. Ветер гнал по пыльным улицам сухие листья и обрывки пакли.

Вяземский ехал верхом, бросив поводья на луку седла. Гнедой жеребец, чувствуя настроение хозяина, шагал осторожно, прядая ушами.

В голове Алексея крутились слова Ганнибала: «Билет в один конец... Змеиный клубок...»

Потемкин посылал его не просто усмирять мурз. Он посылал его как разменную монету. Если Алексей справится — Крым станет жемчужиной короны, а сам Вяземский, возможно, получит прощение за грехи отца. Если же его зарежут в переулке Бахчисарая — Империя получит отличный повод для ввода войск («месть за убиенного посла»), а Шешковский закроет дело о пропавшей Анастасии Ржевской за неимением главного подозреваемого.

Идеальный гамбит.

Алексей свернул в переулок, где стоял его дом. Улица была пуста, лишь бродячая собака рылась в куче мусора у забора.

Он спешил к воротам, привычно окинув взглядом двор. Всё было тихо. Слишком тихо.

Вяземский толкнул калитку. Она была не заперта, но на щеколде висела белая тряпица — условный знак, который они оговорили с Федором еще год назад. «Есть новости. Ищи в тайнике».

Алексей почувствовал, как сердце, только что размеренно гнавшее кровь, сбилось с ритма. Он привязал коня и быстро прошел в дом.

Внутри было душно. Он не стал зажигать свечу — сумерек хватало. Он подошел к камину, который в эту жару стоял холодным, черным зевом. Опустился на колено и просунул руку в дымоход, нащупывая расшатанный кирпич.

Пальцы коснулись бумаги.

Алексей вытащил маленький, плотно свернутый свиток, перевязанный суровой ниткой. Он узнал этот почерк сразу, даже в темноте. Бумага пахла не дымом, а сухим чабрецом — запахом Насти.

Он подошел к окну, ловя последние лучи заката, и развернул записку. Буквы плясали — видно было, что писали в спешке, возможно, на колене.

«Душа моя,

У нас все спокойно, Петруша здоров, лишь жара мучает. Но нынче был гость. Назвался межевским из Казенной палаты, имя ему — Максим Глебов. Учтив, но глаза злые. О земле почти не спрашивал, всё о пожарах московских да о шрамах. Я его спровадила, но он обещал вернуться. Федор говорит — петербургский он. Береги себя. Мы ждем. А.»

Алексей смял бумагу в кулаке.

Глебов.

Имя, которое он слышал краем уха. Молодой, цепкий, протеже Шешковского. «Ищейка», которая берет след не по крови, а по бумажному шороху.

Значит, они не просто подозревают. Они знают. Глебов не поехал бы в такую глушь, в эту «Отраду», просто наугад. Он искал подтверждение. И, судя по тревожному тону письма, нашел его — в глазах Анастасии, в её страхе, который она не смогла скрыть до конца.

Алексей прислонился лбом к холодному стеклу.

Капкан захлопнулся.

Если он сейчас бросит всё и помчится на хутор — его арестуют как дезертира, сбежавшего с важного поручения Потемкина. Если он поедет в Крым, оставив их там одних — Глебов вернется. И в следующий раз он приедет не с межевой цепью, а с конвоем.

Алексей посмотрел на смятую записку. «Душа моя...»

Он вспомнил лицо Насти в ту ночь, когда они бежали из Москвы. Её решимость. Вспомнил Лейлу, которая спасла его сына. Вспомнил Федора, готового умереть за них.

Он не может быть в двух местах одновременно. Но он может изменить правила игры.

— Глебов хочет найти мертвую княжну? — прошептал Алексей в тишину комнаты. — Что ж. Я дам ему другую загадку.

Он отошел от окна, расправил записку и поднес её к фитилю лампы, которую все-таки зажег дрожащими пальцами. Огонь жадно лизнул бумагу, пожирая слова любви и страха. Алексей смотрел, как чернеет имя «Глебов», рассыпаясь в пепел.

Он знал, что делать.

Крым.

Там, в хаосе гражданской войны, легче спрятаться, чем в тихой степи, просматриваемой ревизорами насквозь. Он заберет, но не всех. Это было бы слишком подозрительно. Но он заберет Лейлу. Официально — как переводчицу, ведь Ганнибал дал ему карт-бланш на любые средства.

Лейла. Её знание ядов, её кинжал, её преданность. Она станет его тенью в Бахчисарае. А Анастасия...

Алексея пронзила острая боль. Оставить Настю одну, один на один с Глебовым? Нет. Он напишет Ганнибалу прошение — выделить охрану для «вдовствующего имения», якобы из-за угрозы ногайских набегов. Несколько казаков с казенной бумагой остудят пыл любого ревизора. А Федор... Федор станет её тенью здесь.

Это был риск. Страшный риск. Но другого выхода не было.

Алексей смахнул пепел со стола. Его лицо закаменело. Из него исчезли сомнения, осталась только холодная расчетливость хищника, которого загнали в угол.

Он достал из ящика стола чистый лист, чернильницу и начал писать. Не письмо любви. Приказ.

«Федор. Готовь Лейлу в дорогу. Через три дня я буду. У нас дальний путь. Глаз с хозяйки не спускать. Если гость вернется — стреляй. Я спишу на разбойников».

Он поставил точку, которая была больше похожа на пулевое отверстие.

ГЛАВА 6. ДОРОГА НА ЮГ

Июнь 1780 года. Хутор «Отрада». Ночь перед отъездом.

Алексей вошел в детскую бесшумно, как и подобает человеку, который привык ходить по коридорам чужих тайн. В комнате пахло сушеной мятой и теплым молоком. Маленький ночник едва разгонял густые тени по углам.

Петр спал, раскинувшись на кровати, сбросив одеяло. Даже во сне его кулаки были сжаты, словно он был готов драться. Ему было почти шесть, но он был крупным для своих лет — кровь Вяземских смешалась в нем с силой Ржевских, дав крепкую кость и упрямый лоб.

Алексей опустил на колено перед кроватью. Горло перехватило спазмом, острым, как глоток уксуса. Он смотрел на сына и видел себя — тот же разрез глаз, те же светлые вихры, падающие на лоб.

— Петруша... — одними губами позвал он.

Мальчик завозился, открыл глаза. Они были мутными со сна, но в них сразу мелькнуло узнавание.

— Дядя? — прошептал он сонно. — Ты приехал?

Слово «дядя» резало Алексея без ножа. Шесть лет лжи. Шесть лет он был «добрым опекуном», «дальним родственником», приезжающим с подарками, в то время как ему хотелось кричать на всю степь: «Я твой отец!». Но крик этот стал бы приговором для мальчика.

— Приехал, волчонок. Но ненадолго.

Алексей протянул руку и коснулся щеки сына. Кожа мальчика была горячей и нежной, совсем не такой, как загрубевшая кожа его собственной ладони.

— Ты привезешь мне турецкую саблю? — спросил Петр, садясь в постели. — Лейла говорит, у них сталь лучше нашей. Она гнется, но не ломается.

— Привезу, — голос Алексея дрогнул. Он сглотнул ком в горле. — Самую лучшую. С дамасским узором.

— А ты скоро вернешься? Мама плачет, когда тебя нет. Она думает, я не вижу, но я вижу.

Алексей почувствовал, как предательская влага закипает в уголках глаз. В полумраке блеснула слеза — скупая, мужская, которую он не мог позволить себе ни перед Потемкиным, ни перед врагами. Только здесь.

— Я вернусь, Петр. Воины всегда возвращаются, если их ждут. Спи. Тебе нужны силы. Ты теперь за старшего. Федор — твоя рука, но голова — ты.

Он наклонился и поцеловал сына в лоб. Петр вздохнул, снова падая на подушку, и через мгновение уже спал, уносясь в свои детские битвы. Алексей постоял еще минуту, впитывая этот мирный запах, запоминая каждую черточку лица сына. Он знал: когда он вернется (если вернется), мальчик станет старше. Детство уходило, как вода в песок.

Алексей вышел, плотно притворив дверь. Его лицо, только что мягкое от нежности, мгновенно окаменело. Он шел в спальню к Анастасии. Там его ждала не нежность, а прощание.

* * *

В их комнате не было свечей. Лунный свет падал на широкую кровать, застеленную грубым льняным полотном. Анастасия стояла у окна, спиной к нему. Она была в одной ночной сорочке, распустив волосы.

Алексей подошел сзади и обнял её. Жестко, собственнически. Его руки легли на её живот — плоский, твердый, помнящий рождение сына.

— Глебов дышит нам в затылок, — сказала она, не оборачиваясь. Её голос был сухим. — Ты уезжаешь, чтобы увести погоню?

— Я уезжаю, чтобы уничтожить тех, кто послал погоню, — ответил он, зарываясь лицом в её волосы. Они пахли степным ветром и тревогой. — Я забираю Лейлу.

Анастасия резко развернулась в его руках. Их лица оказались совсем близко.

— Лейлу? — в её глазах мелькнуло что-то темное. Ревность? Страх? — Она нужна Петру.

— Она нужна мне там. Она знает яды. Она знает язык. И Глебов знает про Лейлу, я официально даровал ей свободу. Она — ниточка от тебя ко мне. Если останешься ты одна — ты просто вдова.

Анастасия смотрела на него, и Алексей видел, как в ней борется женщина и мать.

— Хорошо, — выдохнула она. — Но я обещаю тебе... Если они придут сюда, пока тебя нет... Я живой не дамся, Алексей. Я не вернусь в Яму. И Петра им не отдам.

Эти слова стали искрой.

Алексей не ответил. Он рванул ворот её сорочки, треск ткани прозвучал как выстрел. Он не хотел говорить. Он хотел чувствовать.

Анастасия ответила тем же. Её пальцы, огрубевшие от работы, впились в его плечи, срывая мундир, царапая кожу. Это не было прелюдией. Это была жажда.

Он толкнул её на кровать. Жесткое полотно сбилось. Их тела столкнулись — горячие, потные, напряженные до предела.

Алексей вошел в неё резко, одним мощным толчком, выбивая из неё стон, похожий на всхлип. Внутри она была узкой, горячей и влажной. Она обхватила его ногами, прижимая к себе так сильно, словно хотела вдавить его в себя, спрятать внутри своего тела от всего мира.

Здесь не было места стыдливости. Алексей двигался жестко, ритмично, почти грубо. Он чувствовал под пальцами каждый изгиб её позвоночника, каждый шрам. Он целовал её шею — не нежно, а кусая, вгрызаясь в кожу рядом с тем страшным старым шрамом от отцовской удавки. Он метил её. Он оставлял на ней свой запах, свою слюну, свое семя.

Анастасия не отставала. Она выгибалась дугой, её ногти чертили красные полосы на его спине. Она кусала его губы до крови, смешивая вкус железа со вкусом пота. Её тело, пережившее тюрьму и роды, отвечало на его толчки с яростной силой.

— Ты мой... — хрипела она, запрокидывая голову. — Мой... Живой...

Пот заливал глаза. Воздух в комнате стал густым, пахнущим мускусом и звериным отчаянием. Алексей смотрел на её лицо — искаженное наслаждением и болью, с разметающимися волосами, с припухшими губами. Она была прекрасна той страшной красотой, которая бывает только у женщин, танцующих на краю пропасти.

Он довел её до пика быстро, жестко стимулируя рукой, и почувствовал, как её тело бьется в конвульсиях под ним. Этот спазм передался ему. Он зарычал, изливаясь в неё глубоко, до дна, отдавая ей всё, что у него было — свою силу, свой страх, свою жизнь.

Они рухнули на сбитые простыни, тяжело дыша. Сердца колотились в унисон, как два молота.

Алексей провел рукой по её мокрой груди, чувствуя, как бешено бьется жилка на шее.

— Я вернусь, Настя, — прошептал он в темноту. — Я переверну этот мир, я сожгу Крым, но я вернусь.

Анастасия лежала молча, глядя в потолок сухими глазами. Она знала, что он верит в свои слова. Но она также знала, что Бог давно отвернулся от их семьи. Теперь их защищала только плоть и сталь немногих верных людей.

* * *

Утро было серым. Туман с реки еще не сошел, когда во дворе захрапели кони.

Алексей уже был в седле. Он был одет по-походному: черкеска, папах, за поясом — пара пистолетов. Рядом, на вороном жеребце, сидела Лейла. На ней были мужские шаровары и короткий кафтан, волосы убраны под башлык. Она выглядела не как женщина, а как юный, опасный джигит. На боку у нее висел короткий кривой кинжал.

Федор держал под уздцы коня Алексея. Они обменялись взглядами. Слов не требовалось. «Умри, но сбереги» — «Сберегу или умру».

На крыльцо вышла Анастасия. Она была в темном, наглухо застегнутом платье. На шее, скрывая следы ночной страсти, был повязан плотный платок. Она не плакала. Её лицо было спокойным и строгим, как лик на иконе.

Лейла бросила быстрый взгляд на хозяйку. Она увидела тень боли в уголках губ Анастасии и едва заметную синеву на шее, там, где платок сбился. Черкешенка почувствовала укол ревности — острый, горячий. Но тут же подавила его. Сейчас не время.

— С Богом, — тихо сказала Анастасия.

Алексей тронул поводья. Конь прыгнул. Он не обернулся. Если он обернется — он не сможет уехать.

— Вперед! — крикнул он, и отряд сорвался с места, растворяясь в утреннем тумане, уходя на Юг, туда, где золото скифов ждало своей кровавой жертвы.

Анастасия стояла на крыльце до тех пор, пока стук копыт не затих. Затем она повернулась к Федору.

— Заряжай мушкеты, Федор. Все, что есть. Мы теперь одни.

* * *

Степь не имела конца. Она была морем, только вместо воды здесь ходили волнами седые ковыли, и пахло не солью, а разогретой полынью и сухой землей.

Отряд шел рысью уже пять часов. Казаки конвоя, приданные Ганнибалом, начали уставать — их лошади, привыкшие к строевому шагу, тяжело дышали, покрываясь мылом. Но вороной жеребец Лейлы и гнедой Алексея шли голова в голову, словно связанные невидимой нитью.

Алексей скосил глаза на спутницу. В Херсоне и на хуторе он привык видеть её в простых юбках, с опущенными глазами, тенью скользящую по кухне. Здесь, в Диком Поле, Лейла преобразилась. Она сидела в седле по-мужски, уверенно и расслабленно. Черкесский кафтан, перетянутый поясом с серебряным набором, сидел на ней как влитой. Башлык был откинут, и ветер трепал выбившиеся из косы черные пряди. В памяти помимо воли всплыли воспоминания о той далекой гонке лета 1774 года, когда они втроем с ней и Федором мчались к Москве сквозь раздираемую восстанием Россию.

Лейла не выглядела как женщина. Она выглядела как клинок, вынутый из ножен. И это волновало Алексея куда больше, чем он готов был признать.

— Твои люди устали, Эфенди, — сказала она, не поворачивая головы. Её голос перекрывал свист ветра. — Русские любят прямые дороги, а степь любит хитрых.

— Мы не гулять выехали, Лейла. Нам нужно до заката быть у Каланчака.

Она чуть улыбнулась — уголком рта, лукаво и тонко.

— Конь не знает времени, конь знает силу. Ты гонишь их страхом, а надо гнать желанием.

Она тронула бока вороного пятками, и тот, словно поняв её мысль, без понукания перешел в легкий, стелющийся галоп. Алексей выругался сквозь зубы, но пришпорил своего. Он принял вызов.

* * *

Привал устроили в балке, у пересохшего ручья, где еще сочилась мутная, теплая вода. Казаки, поворчав, развели костер поодаль и завалились спать, выставив часового.

Алексей и Лейла сидели у своего огня, отгороженные от мира стеной темноты. Небо над ними было огромным, опрокинутым, усыпанным звездами так густо, что казалось — протяни руку и наберешь горсть алмазов.

Лейла колдовала над джезвой — маленьким медным сосудом, который она захватила с собой. Запах кофе — горький, дразнящий, чужой для этих мест — поплыл над степью.

— Ты мог бы оставить меня, — сказала она тихо, следя за тем, как поднимается пенка. — Там, на хуторе. С Анастасией. Ей страшно.

— Я оставил ей Федора и ружья, — ответил Алексей, глядя в огонь. Он снял мундир, оставшись в рубашке. Плечи ныли от скачки. — А мне нужен кто-то, кто увидит яд в вине хана раньше, чем я сделаю глоток.

Лейла сняла джезву с углей и разлила густую, черную жидкость по двум маленьким чашкам.

— Значит, я для тебя только пробовальщик ядов? — она протянула ему чашку. Её пальцы на мгновение коснулись его руки. Кожа у нее была сухой и горячей.

Алексей взял кофе. Их взгляды встретились. В отблесках костра её глаза казались бездонными колодцами, в которых тонули звезды.

— Ты знаешь, кто ты, Лейла.

— Знаю, — она сделала глоток, прикрыв глаза от удовольствия. — Я — та, кто помнит. Помнит, как ты дрожал в шатре шесть лет назад. Не от страха. А от того, что хотел взять то, что тебе предлагали, но честь держала тебя за горло.

Алексей напрягся.

— Замолчи.

— Почему? — она склонила голову набок, и в этом движении было столько кошачьей грации, что у Алексея пересохло в горле. — Разве правда — это грех? Русские странные. Вы стыдитесь своих желаний, как грязного белья. А на Востоке говорят: если ты хочешь пить, а кувшин полон — грех не напиться. Аллах не для того дал губы, чтобы они сохли.

Она говорила это спокойно, словно рассуждала о погоде, но в её голосе вибрировала скрытая струна. Это была игра. Опасная игра на краю пропасти.

Алексей поставил чашку на траву.

— Анастасия — моя жена перед Богом, Лейла. Даже если церковь не дала благословения.

— Анастасия — святая, — кивнула черкешенка. Она подалась к нему чуть ближе. Запах кофе смешался с её запахом — мускуса, кожи и степных трав. — Святым ставят свечи. Им молятся. А воину в походе нужно тепло, чтобы не замерзнуть насмерть. Разве солдат предает икону, когда греет руки у огня?

Она протянула руку и, словно невзначай, смахнула невидимую пылинку с его плеча. Жест был невинным, но от него по телу Алексея прошла электрическая волна. Он перехватил её запястье. Жестко.

— Не играй со мной, Лейла. Я не султан. И здесь не гарем.

Она не отдернула руку. Она смотрела на его пальцы, сжимающие её запястье, и улыбалась той самой загадочной улыбкой Джоконды степей.

— Ты прав, Эфенди. Ты не султан. Ты волк. А волк не живет в гареме. Он живет там, где кровь. И я — твоя стая. Единственная, кто может бежать рядом с тобой и не задыхаться.

Лейла медленно, очень медленно высвободила руку из его хватки. Но не убрала её, а провела кончиками пальцев по его ладони, повторяя линию жизни.

— Твоя линия разорвана, Алексей. Ты живешь взаймы. Как и я.

Она поднялась, легкая, как дым.

— Спи. Завтра Перекоп. Там мертвые охраняют живых. Тебе понадобятся силы, а не мои сказки.

Она отошла к своей попоне, легла и мгновенно затихла, словно выключила себя. А Алексей остался сидеть у костра. Кофе на губах горчил, но сердце билось тяжело и гулко.

Он понимал, что она права. Анастасия была его совестью. Но Лейла... Лейла была его отражением в темной воде. И чем дальше они уходили на юг, тем труднее было не смотреть в эту воду.

* * *

Перекоп возник из дрожащего марева, как мираж, сотворенный больным сознанием.

Сначала Алексей почувствовал запах. Это был не запах моря, к которому он привык в Петербурге. Ветер с Сиваша — Гнилого моря — нес тяжелый, сладковато-приторный дух гниющих водорослей, йода и застарелой смерти. Этот запах забивал ноздри, оседал на губах соленым налетом, смешиваясь с пылью.

Затем показался Вал.

Гигантский шрам на теле степи, прорезанный от моря до моря. Восемь верст земли, вздыбленной лопатами рабов столетия назад. Перед ним чернел ров — глубокий, сухой, похожий на пересохшую глотку, жаждущую крови.

Алексей придержал коня. Рядом с ним натянула поводья Лейла. Она смотрела на крепость Ор-Капу, вырвавшуюся из равнины. Белые известняковые стены слепили глаза, отражая беспощадное июньское солнце, а башни, покрытые рубиново-красной черепицей, казались каплями свежей крови на белом саване.

— *Sehennem kapısı* (Врата Ада), — прошептала она, поправляя башлык, чтобы скрыть лицо.

— Это не ад, Лейла, — ответил Алексей, проверяя, легко ли выходит пистолет из седельной кобуры. — Это всего лишь его передняя. Ад начнется за воротами.

Они двинулись к мосту.

На пропускном пункте царило напряженное оживление. Здесь, как в кривом зеркале, отражалась вся суть «реформ» хана Шагин-Гирея. У полосатого шлагбаума стояли русские егеря в зеленых мундирах — потные, злые, облепленные мухами. А чуть дальше, у каменной кордегардии, лениво переговаривались бешлеи — новая ханская гвардия. Они были одеты в европейские кафтаны, сшитые на турецкий манер, но их лица выражали старую, вековую ненависть к «гяурам», которых они вынуждены были охранять.

На кольях вдоль дороги, словно жуткое украшение, чернели высушенные солнцем головы.

— Бунтовщики, — коротко бросил казачий урядник из конвоя Алексея, сплюнув в пыль. — Хан нынче скор на расправу. Кто налог не платит — голова на кол. Кто на платок хана косо глянул — голова на кол. Европейский порядок, мать его.

Алексей подал знак остановиться. К ним подошел начальник караула — грузный мурза с одутловатым лицом, на котором жирные глазки бегали, как тараканы. На его поясе висела тяжелая сабля, а пальцы были унизаны перстнями.

— *Yolculuk nereye?* Куда путь держим? — спросил он сначала на турецком, а потом на ломаном русском, игнорируя казаков и сверля взглядом Алексея.

— В Бахчисарай. С посланием от генерал-цейхмейстера Ганнибала к Его Светлости Хану, — Алексей протянул свернутый в трубку дорожный лист с сургучной печатью.

Мурза взял бумагу, повертел её, даже не читая. Печать Потемкина и Ганнибала ему была знакома, но жадность была сильнее страха.

— Бумаги хорошие, — протянул он, возвращая лист. — Но в Крыму нынче чума бродит. Приказ Хана — досматривать всех.

Его взгляд скользнул за спину Алексея и уперся в Лейлу. Она сидела на вороном жеребце, прямая и тонкая, как тростинка. Мужская одежда не могла скрыть изгиба бедер и той особой, плавной грации, с которой она держала поводья.

— А этот молодой джигит... — мурза облизнул губы. — Слишком он нежен для воина. Уж не везешь ли ты, русский, золото в швах его одежды? Или письма от бунтовщиков?

— Это мой переводчик, — холодно отрезал Алексей. — Он под моей защитой.

— Под защитой Аллаха все мы, — усмехнулся татарин, делая шаг к коню Лейлы. — А здесь закон я. Эй, Осман! — крикнул он одному из гвардейцев. — Проводи «переводчика» в шатер. Пусть снимет кафтан. Проверим, нет ли у него чумных бубонов... или французских монет.

Гвардеец двинулся к Лейле, протягивая руку к её поводьям. Лейла напряглась. Её рука скользнула под кафтан, к рукояти кинжала. Алексей видел, как побелели костяшки её пальцев. Если они коснутся её — она ударит. И тогда их изрубят прямо здесь, на мосту.

Времени на дипломатию не было.

Алексей выхватил пистолет. Движение было настолько быстрым, что мурза даже не успел моргнуть. Тяжелый, холодный ствол уперся ему прямо в потный лоб, между напудренным париком и бегающими глазками.

Щелкнул взводимый курок. Звук был тихим, но в вязкой тишине Перекопа он прозвучал как выстрел пушки.

Гвардейцы схватились за сабли. Русские егеря вскинули мушкеты. Мир замер на лезвии бритвы.

— Слушай меня, собака, — голос Алексея был тихим, страшным, лишенным всяких эмоций. — На этой бумаге печать Светлейшего князя Потемкина. Если хоть один волос упадет с головы моего слуги, завтра этот вал сровняют с землей, а твою голову насадят на этот самый кол. Ты меня понял?

Мурза замер. Он смотрел в глаза Алексея и видел там не страх, а ту самую ледяную пустоту, которая бывает у людей, уже перешагнувших черту смерти. Он понял: этот русский выстрелит. Ему все равно.

— Понял, Эфенди... — прохрипел татарин, поднимая руки ладонями вперед. — Шутка... Просто шутка... Проезжайте.

Алексей медленно убрал пистолет, не сводя глаз с мурзы.

— Дорогу! — рывкнул он.

Шлагбаум поднялся.

Когда они проехали мимо застывших егерей, к стремени Алексея шагнул русский офицер — капитан с красным, обветренным лицом и шрамом через всю щеку.

— Лихо вы его, князь, — тихо сказал он, сплюнув табачную жвачку. — Только зря. В Крыму нынче жарко. И жара эта не от солнца, а от ятаганов, которые точат в каждой кофейне Бахчисарая. Французы завалили мурз золотом, требуя голову хана, а значит, и вашу в придачу. Вы сейчас врага себе нажили.

— У меня их и так много, капитан, — ответил Алексей, глядя вперед. — Одним больше, одним меньше. Благодарю за службу.

Он тронул коня шпорами.

Они въехали под своды ворот Ор-Капу. Тень крепостной стены накрыла их, принесла секундную прохладу, но за ней снова ударило солнце — еще более злое, еще более яркое.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.